РАЗДЕЛ XIX. ФИЛОСОФИЯ

Воронин А.А.
Человек и машина

*Институт философии РАН
(Россия, Москва)*

doi:10.18411/lj-09-2018-105

idsp: 000001:lj-09-2018-105

Технонаука как предмет исследования интересна с множества точек зрения. Моя – это как складываются отношения между миром человека и миром науки и техники, в частности, в трактовке «улучшения человека» вплоть до бессмертия..

Противостояние технократизма и гуманизма (условно говоря, просто для краткости этот термин употребляю как оппозицию технократизму) принимает новые конфигурации. Речь идет уже не о взаимоотношениях техники и человека, а понимании человека как техники, как машины, рядоположенной – то есть тождественной – технической среде, второй природе, искусственному миру – много названий уже есть в классической оппозиции техники и культуры. Если понимать человека как машину – о чем все более и более внятно говорят нам науки, - то как понимать в человеке то, о чем науки не говорят, а говорят философия, искусство, гуманитарная мысль – а если хотите – то и религии?

Техника и временные масштабы человеческого бытия: с самого своего зарождения техника меняла темпоральное бытие – а вместе с ним и сознание человека. Примитивные орудия, дающие выигрыш в силе и вооружающие нашего далекого предка в труде и борьбе, расширяли пространственные и энергетические ареалы использования свойств организма. Палка, дубина, копье, стрела – подчиняли ближайшие пространства. Но одно из самых важных изобретений человека – горшок, емкость для хранения еды – уже позволило перейти от охоты и собирательства к оседлости, то есть управлять временем – от урожая до урожая можно было сохранить продукты, выжить, - но не таскать же за собой сухпак на год! Парус, колесо, очаг, посуда – тоже распространяли господство человека над пространством, но уже с заметной экономией времени. Время стало возможным экономить, перемещаясь в пространстве с помощью колеса и паруса, но также и ускорять или замедлять – правильное хранение продуктов продлевало их годность, циклы хранения урожая стали приближаться к природным циклам земледелия. Колесо экономило и силу, и время, плуг и кирка подчинили человеку новые технологии жизни. Субстанции, которые становились предметом технического преобразования – пространство, время, энергия - были человекообразны, антропны. Длительность и длина были всегда длительность чего-то определенного, и длиной чего-то определенного, соотношенного с телом. Пядь, локоть, аршин, сажень – вполне приемлемые меры длины, или измерения пространства. Потребовалось много веков, чтобы простая операция абстрагирования времени и пространства от человеческих масштабов к системам измерения перевернула отношения человека к этим свойствам – не время стало жить в человеке, а человек во времени.

Когда техника – после преобразования одного вещества в другое – принялась за преобразование энергии, эта зависимость только укрепилась. И время, и пространство стали базовыми элементами измерительных систем, можно было помыслить бесконечное большое и бесконечно малое, оперировать представлениями о кратчайших моментах и вечности. Применительно к человеку, к его организму системы объективного счета времени и пространства привели к антропометрии в криминалистике и спорту как стремлению к рекордам. Спорт высоких достижений – это первый шаг на пути подчинения тела (и не только тела, но и образа жизни, сознания и мотивации) человека

абсолютным мерам времени и пространства. Не важно, какой ты человек, и какой ценой ты добился результата – лишь бы результат был рекордом.

В эпоху преобразования информации как предмета техники произошли кардинальные сдвиги – время стало управляемым, его можно заставить двигаться в новых для человека режимах – сверхбыстрых и очень медленных. Возникли новые возможности управления временем, по крайней мере, восприятием времени в визуальных практиках. Техника стала отвечать потребностям экономии времени, и человеку стали доступны сверхскорости и сверхрасстояния. Но рубежным для отношений техники, человека и времени стали наши дни, когда NBIC технологии сделали абстрактные в указанном выше смысле слова категории времени и пространства языком натуралистического описания человеческого организма. Вот здесь и возникают риски редукции человеческого к натуральному, - а за редукцией и подмены первым вторым. Абстрактное время проецируется на экзистенциальное, заменяет его, отменяет, убивает. Обещанное бессмертие достанется уже не человеку, а аватару, роботу, компьютерной модели человека – чему угодно, но только не ему самому! Из процесса становления человека вычеркнут индивидуальный опыт овладения культурой. И что остается?

Воспроизводство человеческих качеств осуществляется тем, что не так давно именовалось «социальной формой движения материи». Во всей ее, их сложности. Институты, которые отвечали за «позитив», как сейчас выражаются, испокон века соседствовали с упрямо растущими сорняками «негатива», и этот баланс - одно из условий существования общества. Спонтанные «механизмы» воспроизводства социальных качеств индивидов, - незаметные, латентные, часто теневые, - всегда были рамкой и рампой для институциональных усилий общества достичь так или иначе понятого блага. Но именно в них происходила селекция проектов блага. Не хочу развивать сейчас эту мысль, и не хочу тем более отводить «негативу» исключительную роль в балансе добродетелей и пороков в обществе. Нет, моя мысль в другом: социальные качества воспроизводятся «сами по себе», их невозможно локализовать, смоделировать в лаборатории или компьютере, взять и пересадить в искусственный интеллект, в аватар или в робот. И становится ясно, что многих ошибочных, напрасных ожиданий можно избежать, отказавшись от романтического убеждения, что нейро-физиология изучает сознание человека. Мышление – да, сознание – нет.

Время как учет «переменных» и как завершенность жизненных циклов. Время, как известно, не только длительность. Темпоральность – термин, в котором фиксируются темповые, циклические свойства времени. Этапы жизненного цикла в каждой культуре (социуме) определены довольно строго, и в соответствии с биосоциальным возрастом человека. При том, что границы этих этапов подвижны, они все же не просто существуют, а значат для человека очень многое. Когда я учился в школе, беременность десятиклассницы была скандалом, а в Азии 17-ти летняя невеста уже «засиделась», там брачный возраст синхронен возрасту биологическому. Эти этапы – не только часть жизни человека, это и жизнь общества - обычаи, традиции, ритуалы и даже институты подчинены их обособлению, поддержке и воспроизводству. Как скажется на общественном устройстве демонтаж этих социокультурных «скреп»? – Ответ – очень болезненно.

Как ни странно, одна из причин такого восторженного приема программы «Россия - 2045» кроется как раз в особенностях темпоральной ситуации в России. Много уже высказано соображений по поводу диагноза кризиса, в котором Россия пребывает последнее как минимум десятилетие. Мой диагноз такой. Разорвалась связь времен, если пользоваться словами Шекспира: разомкнулся «естественный» цикл воспроизводства основных целей и смыслов жизни, в котором прервался перспективный ход социального развития. По аналогии с Марксовой последовательностью, описывающей целостный ход воспроизводства капитала «товар – деньги – товар – деньги+ ...», и обрастающей богатой инфраструктурой социального регулирования, можно сказать, что у нас в последовательности «средства – цели – средства+ – цели+...» разрыв случился перед

четвертым членом. Средства – материальные, идеальные, символические, стилистические... не влекут за собой, не предполагают «расширенного воспроизводства» полноценного мира человека. Снискание средств к жизни важнее самой жизни, как своей, так и чужой. Нет никакого автоматизма, благодаря которому богатство приносило бы счастье. Это верно как для «субъективной реальности», то есть для отдельного индивида, так и для практически всех институтов – от образования и до медицины. А ведь в Европах – Америках такой механизм отлажен, благодаря многовековым традициям поддержания гармонии средств и целей. Я не хочу сказать, что автоматизм работает сам по себе и без сбоев, не хочу идеализировать картинку – я хочу указать на «механизмы» социокультурной организации развивающегося общества. Если цепь разомкнута, если мы наблюдаем последовательность (опять аналогия) «деньги – товар – деньги+», то такое устройство не несет в себе иных целей и ценностей, нежели богатство. Подчеркну – бессмысленное. Потому что в нем нет места тому, ради чего к богатству якобы стремятся. Ценность человека эквивалентна его кошельку, все как в старые «добрые» времена Голсуорси, Диккенса, Драйзера и т.п. Вот в этом разрыве, в этом обрыве очень естественно смотрятся проекты «превращения» условий жизни в главную задачу жизни – пусть речь и не идет напрямую о капитале в прежнем смысле. Капитал натурализуется уже в натуре человека, но это все тот же капитал, который видит смысл только в себе самом. Если органическое тело человека сделать бессмертным, то придется позаботиться заодно и о перестройке всей человеческой культуры, основанной на череде поколений, на ценности конечной жизни, на личном опыте проживания этапов жизненного цикла, завершающимся, увы, смертью. То есть наладить фабричное воспроизводство социальных качеств человека – с обязательной неинституциональной, спонтанной компонентой и с новыми несущими смысловыми опорами.

А реальная картина такова, что все известные структуры воспроизводства человеческих качеств – от здравоохранения, образования, семьи – и до педагогики, искусства, науки, – вытаскиваются неуклюжими, некомпетентными «реформами». У них одна задача – продлить агонию диктатуры бюрократии, любыми средствами и в самой примитивной стилистике. Напомню яркий образ «мусорной культуры» О. Яницкого, чтобы не углубляться в эту тему. Самый совершенный робот с мусорным ведром вместо головы – вот что нам светит при нынешнем раскладе. А если что, кто надо ему мозги вправит. Быстренько. Кто-нибудь из «наших». Тут и возразить нечего.

Наука теперь уже не только объясняет – без обещаний, как это было до конца 20 века. Наука слилась с техникой, технологией и стала вместе с ними обещать дивные выигрыши за счет своих приложений. Больше того, обещания вошли в самую мотивацию науки, поскольку перед наукой ставятся практические задачи. Вот этот синтез науки и технологии изменил классическое разделение труда между объяснением (наука) и обещанием (техника-технология). В эти обещания вплетены средства, используемые в технотехнике: понятийный, ментальный, инструментальный, практический аппараты. И это обещания по поводу тела, организма человека. Как будто он им исчерпывается! То есть конвергенция NBIC технологий применила к нему нечеловеческие (в том самом смысле, в котором человеческое мы противопоставили абстрактному, измеримому, оцифрованному) меры.

Та же тенденция – управления временем – превратилась в овладение временем, но в том самом абстрактном, внечеловеческом (внеантропном) смысле слова. Ремонт, улучшение, замена, и в конце концов – полный двойник, но уже сделанный из нестареющего материала, выполненный на другом вещественном «носителе». Редукционизм, сводящий проблему смерти/бессмертия к физическому, телесному бытию, уже выплеснул ребенка вместе с водой из ванны. Вот еще один парадокс – тенденция улучшить человека – здоровая, позитивная, даже сильнее можно сказать – замечательная, в своем безоглядном развитии может быть чревата большими потерями. Собственно, эти потери могут сказываться уже сегодня, если начнет доминировать техническое

понимание человека. Преодолеть природу, обрекающую организм на смертность, за счет превращения то ли в машину, то ли в Вечного жидка - истощается ли этой дилеммой наше будущее?

Где выход, есть ли он вообще?

Усмотрение рисков не может превращаться в противодействие общей тенденции развития технотехники. Другое дело – управление, регулировка, контроль – стратегии избегания катастроф. Если становится понятным, что противопоставление человека и дел рук его, то есть техносреды, - непродуктивно, надо искать варианты их гармонического соединения. Вместо противопоставления надо присмотреться к их единству. Если спрашивать: машина ли человек? Что будет, если машина станет человеком? И т.п. – мы остаемся в пределах противопоставления. А осмыслить единство человека и техники - сложнее. Сегодня малые дети осваивают гаджеты раньше родного языка, еще не умеют ходить – а уже играют с маминим телефоном. ТЕХНИКУ НЕВОЗМОЖНО ПОНИМАТЬ ВНЕ ЧЕЛОВЕКА, ведь ее так называемое широкое определение – это любой алгоритм действия, в том числе и ментального. Техника речи, техника игры на инструменте, техника мышления... Техника коммуникаций развивается настолько стремительно, что она уже превосходит по нескольким параметрам природные и культурные пределы возможностей человека. Во столько же раз, во сколько экскаватор сильнее лопаты, оптика, радио сигналы, компьютеры сильнее глаза, уха и памяти. Техника уже давно влилась если не в органическое, то в социальное тело человека.

Вот если присмотреться к этому последнему феномену – как его оценивать, как благо или как зло? Ответ простой. Все зависит от того, во благо или во зло используются колоссальные возможности технической среды. Вот пример. В новые сферы коммуникации, которые порождаются компьютерной техникой, вписано слишком мало человеческой, то есть высокой культуры – она не попадает туда, куда проникают кровавые игрушки – стрелялки, пулялки, насилие и т.п. Низкая, пошлая, агрессивная, глупая игровая среда ничего не скажет ребенку о достоинстве, чести, предупредительности – и родители тоже ничего об этом не слышали. И речь идет не просто о манерах. Дело гораздо серьезнее – дело в ценностях, в стилистике мышления. Вот где проблемы: самая совершенная техносреда воспроизводит самые варварские ценностные, нормативные и экзистенциальные установки. Понятно, что если коммуникации – большой бизнес, то туда идет не хорошее, а выгодное. Так что благо одних оборачивается злом для других.

И если мы видим эту амбивалентность в социальном теле человека, легко себе представить, чем она может обернуться применительно к телу организмическому. Если бессмертием, улучшением, ремонтом будет выгодно торговать, получать барыши и другие социальные преференции, и это все будет в руках таких же безответственных коммерсантов, что и владельцы массмедиа – точно можно сказать, хорошего не жди. Так что делать? Ну, конечно, интересы барыша и выгоды должны быть надежно блокированы социальными институтами, имеющими четко определенные функции, - а стало быть разработанные цели, а стало быть, под них должна быть подложена надежная знаниевая основа. Речь идет о гуманитарной экспертизе – институционализированной сфере принятия решений по стратегическим проблемам эволюции человечества.

Разумеется, мало перестроить мышление о технике в сторону ее гуманизации, таким образом, чтобы снять ментальную противопоставленность человека и технической среды. Главное дело – гуманизировать саму эту среду за счет вдумчивого и ответственного проектирования, изготовления и эксплуатации техники. Вместо того, чтобы пугать публику бесчеловеческим характером техники, надо видеть, что в нем лишь проступает бесчеловечность самого человека.

Так от кого же исходит опасность? И где гарантии, что проблема просто плавно не сместится с одного фетиша современности на другой, маячащий в тумане завтрашнего дня?